

---

## Н. И. ТУРГЕНЕВ

### 〈РЕЧЬ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В «АРЗАМАС»〉

Почтенные арзамасцы!

На берегах Майна, в известном городе Франкфурте <sup>1</sup>, в первый раз услышал я о существовании сего славного «Арзамаса», в котором теперь присутствуем. Я как будто предчувствовал, что буду членом сего Общества, ибо первая о нем весть родила во мне какое-то неизъяснимое удовольствие, и с тех пор я возымел к «Арзамасу» великое почтение.

Вы спросите, что думают во Франкфурте об «Арзамасе»? Мнения были различны. Иные спрашивали: что значит это новое Общество? Другие — что значит название «Арзамас»? Одни говорили, что такое соединение литераторов произведет в литературе раскол. Другие говорили: «Кто знает! Может быть, арзамасские гуси освободят русскую словесность от варварства «Беседы». Гуси же однажды спасли и «Капитолий» <sup>2</sup>.

Мудрые законы «Арзамаса» предписывают каждому нововступающему члену прочесть похвальное слово какому-либо из членов «Беседы». Обязанность сия для меня неудобна в исполнении, потому что, находившись долгое время в отсутствии, я мало знаю о сем «сословии-славянофилов» и в неведении моем утешаюсь тою мыслию, что

«Беседа» и вообще мало известна. Итак, позвольте мне, почт<sup>енные</sup> арз<sup>амасцы</sup>, пожелав «Беседе» вечного успокоения в бездне ничтожества и забвения, упомянуть о том «отпрыске» «Беседы», который, появившись как нечистый дух в известной по малому числу читателей Императорской публичной библиотеке, предавал нас «второе января» попеременно то сну, то досаде<sup>3</sup>. О, незабвенное второе января!<sup>4</sup> Казалось, что Императорская публичная библиотека напрягала весь свой ум и употребила все свои таланты и в прозе и в стихах, дабы сказать нам, что в течение 1816 года было прочтено или потребовано для прочтения четыреста книг, означенных поименно, и что в Эрмитаже стоит бюст Ахиллеса! Вы не удивитесь, почт<sup>енные</sup> арз<sup>амасцы</sup>, что Императорская публичная библиотека может напрягать ум и употреблять таланты, если вспомните, что она может «просить» и «просить покорнейше». Счастливый дар, отличающий сей «храм щедрот монарших» от всех других бесталантных книгохранилищ! По выслушании первой пьесы<sup>5</sup>, которую можно назвать всем чем хотите, только не отчетом о порядочной библиотеке, слушатели библиотеки (мы продолжаем употреблять сие слово в смысле известной вам огромной пригласительной повестки), слушатели были поражены какими-то дикими и беспрестанно возносящимися звуками. Кто бы подумал, слушая чтение помощника библиотекаря<sup>6</sup>, что дело идет о Гомере. Жалобным голосом своим, казалось, он просил пощады своему произведению. Два порядочные стиха едва ли вознаградили вас, почт<sup>енные</sup> сочлены, за два скучные часа. Я, занимая мысли мои, всегда, даже в библиотеке, финансами, вздумал, что приличнее было бы помощнику библиотекаря и переводчику Гомера вместо «Илиады» перевести в стихах, и даже экзаметрами, например, «Süssmilchs Göttliche Ordnung» \* или «Justis Abhandlung von den Steuern und Abgaben» \*\*<sup>7</sup> или воспеть рождение сих светильников политики. Тогда бы перевод скорее достиг цели своей — забвения, и достиг бы тем удачнее, чем ближе был бы к подлиннику; а поэма рождения смиренно сошла бы на вечное упокоение в лавку Глазунова<sup>8</sup>, сию терпеливую могилу стыда русской словесности. Так думал я, почт<sup>енные</sup>

---

\* «Божественный порядок» Зюсмилх (нем.). — Ред.

\*\* «Трактат о налогах и поборах» Юсти (нем.). — Ред.

ные) сочлены, когда библиотека звонким голосом великодушного штабс-капитана *начала* читать так называемое обозрение так называемой литературы российской 1816 года. Сколько новых открытий сообщены слушателям в сем великолепном обозрении! Вы, верно, не знали, что англичане, французы, немцы, итальянцы не имеют ни хороших поэтов, ни хороших историков, ни литераторов, ни ученых, вы, верно, также не знаете, отчего они их не имеют. Итак, слушайте верного «Сына отечества». Он скажет вам, что причина такой бедности не иначе, как та, что в Лондоне, Париже, Риме нет ни татарских мечетей, ни жидовских синагог. Тот же «Сын отечества» говорит вам, что у нас сей бедности или нет, или быть не может, что, как известно, почти все равно<sup>9</sup>. Что касается меня, то я не вижу, чтобы терпимость Магометова или Моисеева закона могла принести большую пользу нашей словесности; но уверен, что терпимость вранья, даже и в библиотеке, не у места и только что производит скуку. От терпимости вероисповеданий «Сын отечества» перешел к терпимости книгопечатания, и первое слово, невольно вылившееся из пера его, было — цензура. Тут вздумал я: не в том ли смысле господин «С(ын) от(ечества)» говорит о нашей свободе книгопечатания, как Фигаро о гиспанской? <sup>10</sup> — Но нет! Патриотические рассуждения «С(ына) от(ечест)ва» скоро заставили меня отклониться от сего сравнения, конечно, для одного из сравниваемых лиц обидного.

Таким образом, говоря о свободе книгопечатания и вместе с сим превознося цензуру, «С(ын) о(течест)ва» выводит следствием существование благоразумной свободы. Я невольно вспомнил о том, как не только у нас, но и во всей Европе приятными наименованиями стараются покрывать наготу деспотизма и порока. Давно уже прямодушные люди не верят словам, сопровождаемым эпитетом благоразумия, а под благоразумным человеком разумеют эгоиста, под благоразумным поведением — тонкое, часто подлое, поведение, под благоразумием цензуры — благоразумие полиции. Заметив, что г-н «С(ын) от(ечест)ва» знает то, чего другие не знают, и видит то, чего не видят другие, я пожелал, чтобы он впредь ограничивал свои обозрения сочинениями Орлова, Хвостова, Лобанова, Горюшкина <sup>11</sup>, — они скажут ему спасибо за открытие их талантов и их существования; и чтобы оставлял в покое тех из

наших лириков, трагиков, историков, которых все знают, все видят,—они возвышаются как колоссы среди пустынь и свидетельствуют силу народного ума, народных способностей. Так продолжалась панихида библиотеки, а сия жертва невежества, дурного вкуса испустила последние вздохи жизни при отходных чтецах ее, как вдруг Крылов баснями своими исторг ее из объятий смерти, а слушателей из объятий Морфея<sup>12</sup>. Но я вижу, что мне пора молчанием произвести то же действие.

Николай Иванович Тургенев (1789—1871) — видный участник движения декабристов, ученый-экономист. Занимал ряд государственных должностей. Н. И. Тургенев входил в раннюю декабристскую организацию — «Орден русских рыцарей», а после создания «Союза благоденствия» стал одним из идеологов этого общества. В 1824 году Н. И. Тургенев уехал за границу для лечения и находился там во время восстания 14 декабря. Привлеченный к следствию, он отказался вернуться в Россию и был заочно приговорен к пожизненной каторге. В 1857 году восстановлен в правах и возвратился на родину. Н. И. Тургенев — автор многих работ экономического характера, а также книги «Россия и русские», выпущенной им в 1847 году в Париже. Литературно-критические проблемы не занимали сколько-нибудь заметного места в деятельности Н. И. Тургенева, и когда он в 1817 году вступил в члены литературного кружка «Арзамас», ставившего своей целью защиту эстетических принципов карамзинизма и борьбу против консервативных идей «Беседы любителей русского слова», он вместе с другими будущими декабристами (М. Ф. Орловым, Н. М. Муравьевым) попытался сделать предметом обсуждения на его заседаниях актуальные политические вопросы. Одной из наиболее решительных таких попыток была его речь, публикуемая в данном сборнике. Страстность, с которой Тургенев произнес эту речь, покорила слушателей. «Лицо его пылало огнем геройства, и голова, казалось нам, дымилась, как Везувий», — записал арзамасец Д. Н. Блудов в протоколе заседания («Арзамас и арзамасские протоколы». Л., 1933, с. 190). Однако намерения Тургенева и его единомышленников не осуществились. Разногласия, возникшие в кружке по политическим вопросам, лишь ускорили его распад (1818 г.).

## РЕЧЬ ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В «АРЗАМАС»

Впервые — «Арзамас и арзамасские протоколы». Л., Изд-во писателей, 1933, с. 191—194. Прочитана 24 февраля 1817 года.

<sup>1</sup> В 1813—1816 гг. Н. И. Тургенев жил в Германии, где был русским комиссаром административного департамента союзников.

<sup>2</sup> См. прим. 6 с. 310.

<sup>3</sup> Имеется в виду Н. И. Гнедич, входивший в «Беседу любителей русского слова».

<sup>4</sup> Второе января 1814 г. — дата открытия Императорской публичной библиотеки (ныне библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Во вторую годовщину этого события (1816 г.) состоялось заседание, о котором и говорится в речи Н. И. Тургенева.

<sup>5</sup> Отчет об управлении библиотекой в 1816 г., с которым выступил ее секретарь Красовский. Далее Тургенев иронически излагает содержание этого отчета.

<sup>6</sup> Н. И. Гнедич.

<sup>7</sup> И.-П. Зюсмилх — немецкий статистик. И.-Г. Юсти — немецкий экономист.

<sup>8</sup> Глазуновы — владельцы книготорговой и издательской фирмы, имевшие популярные книжные лавки в Москве и Петербурге.

<sup>9</sup> Речь идет о статье Н. И. Греча «Обозрение русской литературы 1815—1816 годов». — «Сын отечества», 1817, № 1, ч. 31, с. 3—22; № 2, с. 55—67.

<sup>10</sup> В комедии Бомарше «Севильский цирюльник» (акт I, явл. 2) *Фигаро* говорит: «В Мадриде я понял, что область литературы есть, в сущности, владение волков, вечно друг против друга вооруженных; я там ясно увидел, что заслужил своим смешным остервенением всеобщее презрение, все эти букашки, мошки, комары, москиты, все эти критики, завистники, газетчики, книгопродавцы, цензора, — словом, все, кто впиваются в шкуру несчастного литератора, все рвут его на клочки и высасывают из него последние соки. Мне надоело писать».

<sup>11</sup> Имеются в виду книги: Я. Орлов. Памятник событий в церкви и отечестве. СПб., 1816. Неясно, о каком *Хвостове* идет речь. Это может быть не только писатель Д. И. Хвостов, как раз в 1817 г. начавший выпускать свое первое полное собрание сочинений, но и его двоюродный брат А. С. Хвостов, поэт, переводчик, избранный председателем третьего разряда «Беседы любителей русского слова». М. Е. Лобанов выпустил в свет в 1813—1816 гг. ряд верноподданных од. З. Порюшкин. Руководство к познанию российского законодательства. М., 1811—1816.

<sup>12</sup> *Морфей* — бог сна и сновидений.